

УДК 342.41

Соотношение буквы и «духа» Конституции Российской Федерации в современных условиях

Хурматуллина А.М.

Кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Развитие правовой системы государства неизбежно влечет расхождение между буквой и «духом» закона. В настоящее время некоторые нормы трактуются иначе, чем в момент их принятия, и конституционные положения не являются исключением. Автором исследуется возможность нового толкования ряда статей Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, толкование, норма права, Конституционный Суд РФ, международное право.

Согласно дуалистической концепции соотношения международного и национального права, указанные системы взаимодействуют друг с другом [1, с. 87]. Это вытекает также из положений ст. 27 «Венской конвенции о праве международных договоров», согласно которой государства – участники Конвенции не могут ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения ими международных договоров [2]. В соответствии с Заключительным актом СБСЕ 1975 г., каждое государство при установлении своих законов и административных правил должно соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву [3]. Таким образом, развитие внутригосударственного права получило прямое подтверждение в нормах международных документов. Следует отметить, что современные реалии применения общепризнанных принципов и норм международного права определенным образом сказываются на соотношении буквы и «духа» Конституции РФ.

Напомним, Ш.Л. де Монтескье под «духом» закона понимал его соответствие природе и принципам установленного правительства, степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям [4, с. 78]. Ряд ученых рассматривают возможность «нового прочтения» существующих конституционных норм, из-

начальный смысл которых (то есть смысл, который вкладывался разработчиками Конституции) в современных условиях устарел. Ф.Р. Муратшин называет следующие условия, при соблюдении которых возможно осуществление нового толкования положений Конституции РФ:

- 1) сохранение исходного смысла Конституции РФ;
- 2) соответствие основным принципам государственного устройства страны;
- 3) учет правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [5, с. 192-193].

Действительно, если проанализировать статьи Конституции Российской Федерации, то можно заметить, что в настоящее время некоторые нормы трактуются иначе, чем в момент их принятия. К примеру, определенные изменения в трактовке претерпела ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, предусматривающая во взаимосвязи с ч. 3 ст. 46 признание обязательной силы решений международных судебных органов на территории Российской Федерации. В 2015 г. произошел отказ от данной практики; в целях соблюдения верховенства Конституции РФ в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены изменения, допускающие возможность неисполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (п. 3.2 ст. 3) [6].

Если раньше Конституция Российской Федерации рассматривалась исключительно как совокупность норм права [7, с. 178], то сейчас Конституция – это форма юридического закрепления конституционных ценностей [8, с. 8-9]. Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя конституционность положений нормативных правовых актов, также исходит из баланса «конституционно значимых ценностей». К примеру, рассматривая дела по жалобам граждан о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина, Суд акцентирует внимание на том, что баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов достижим: 1) при использовании только строго обусловленных конституционно одобряемых целями мер, отвечающих требованиям адекватности, необходимости и правовой определенности; 2) при определенном, четком правовом регулировании прав и свобод человека и гражданина, не допускающим расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения нормы [9].

Некоторые изменения наблюдаются в трактовке ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, предусматривающей как конституционный, так и договорный способ разграничения компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации [10, с. 25]. В настоящее время возможности осуществления разграничения предметов ведения и полномочий между различными уровнями государственной власти посредством заключения договоров не имеется. Напомним, заключенный в числе последних Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» утратил силу 11 августа 2017 г.

Прекратило свое действие конституционное положение, носящее временный характер (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Напомним, применение смертной казни в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни было возможным «впредь до ее отмены». Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, в настоящее время соответствующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации не могут применяться, поскольку сложившееся в Российской Федерации правовое регулирование права на жизнь во взаимосвязи со ст. 15 (ч. 4) и 17 устанавливает запрет на назначение смертной казни и исполнение ранее вынесенных приговоров [11].

Существенные изменения произошли в понимании того, как должны реализовываться предусмо-

тренные ст. 23 Конституции Российской Федерации права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Принимая во внимание буквальное значение его текстовой формулировки, ограничение данного конституционного права допустимо только на основании судебного решения. По крайней мере, первоначально так воспринималось большинством правоприменителей. Намечившаяся активизация в последнее время террористической и экстремистской деятельности предопределила необходимость в уточнении трактовки ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Если соотносить с содержанием российского антитеррористического законодательства, можно установить следующее. В связи с принятием Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [12] были внесены изменения в Федеральный закон «О связи», касающиеся сроков хранения на территории Российской Федерации текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображения, звука, видео-, иных сообщений пользователей услугами связи (до шести месяцев) и установления обязанности операторов предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, необходимую о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что к вопросу об ограничении рассматриваемого конституционного права применимы правила, изложенные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию.

Также существенные изменения произошли в понимании того, кем должны быть реализованы предусмотренные ст. 71 Конституции Российской Федерации предметы ведения Российской Федерации. Тенденции глобализации оказывают влияние на содержание конституционных положений. Согласно ст. 79 Конституции РФ, Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий. Реализация государством этого права способствует увеличению субъектов, в ведении которых могут находиться вопросы ведения Российской Федерации. К примеру, часть вопросов таможенного регулиро-

вания, регулирования интеллектуальной собственности, находящихся в исключительном ведении Российской Федерации, в настоящее время относится также к ведению межгосударственного образования – Евразийского экономического союза. А.Ф. Малый и М.В. Янович, рассматривая соотношение национального и наднационального права, поднимают вопрос о пределах передачи суверенных полномочий в рамках международной интеграции [13, с. 99]. Очевидно, что не все вопросы, находящиеся в ведении Российской Федерации, могут решаться на наднациональном уровне. Представляется, что наднациональные образования не вправе вторгаться в те сферы, в рамках которых государство реализует свой суверенитет: национальное законодательство, территория, система органов государственной власти, налоги и сборы.

Таким образом, за последнее десятилетие существенные изменения произошли в трактовке ряда статей Конституции Российской Федерации. Как следует из вышеизложенного, «новое прочтение» возможно в отношении конституционных норм, размещенных в главах 1, 2, не подвергающихся изменению ни при каких обстоятельствах. Изменения, коснувшиеся так называемых «временных» конституционных положений, были вызваны прекращением действия их силы. «Новое прочтение» других статей Конституции РФ стало следствием формирования новых явлений и процессов правовой действительности и развития устоявшихся правовых институтов в современных условиях: системы конституционных ценностей, защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративных отношений Российской Федерации и ее субъектов, участия Российской Федерации в межгосударственных образованиях, функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации.

Литература:

1. Берандзе М.Р. Некоторые аспекты в вопросе определения, содержания и соотношения терминов «система права» и «правовая система» // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 85-89.
2. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Действующее международное право. – Т. 1. – 1975.
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. – М., 1955. – 273 с.
5. Муратшин Ф.Р. Буква и «дух» Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан: вопросы толкования их норм // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014 – № 2. – С. 190-193.
6. Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – № 253.
7. Лупандина О.А. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. – 178 с.
8. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 25 с.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П // СПС «Консультант Плюс».
10. Хурматуллина А.М. Право на труд как конституционная ценность и его обеспечение в субъектах Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 23 с.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 1.
12. Российская газета. – 2016. – № 149.
13. Малый А.Ф., Янович М.В. К вопросу коллизии конституционного и наднационального правопорядков // Интерактивная наука. – 2016. – № 9. – С. 98-99.

Correlation of a «Letter» and a «Spirit» of the Constitution of the Russian Federation in Modern Conditions

*A.M. Khurmatullina
Kazan (Volga Region) Federal University*

The development of the legal system of a state inevitably leads to a discrepancy between the “letter” and the “spirit” of the law. At present, some norms are interpreted differently than at the time of their adoption, and constitutional norms are no exception. The author explores the possibility of a new interpretation of some articles of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: Constitution, interpretation, law, Constitutional Court, international law.